

Орден «Дружбы народов»
литературно-художественный
ежемесячный журнал
Союза писателей Казахстана

ПРОСТОР

ДЕКАБРЬ 2025

Мереке КУЛЬКЕНОВ

Жан Бахыт
КАНАП'ЯНОВ

Олжас
СУЛЕЙМЕНОВ

Надежда
ЧЕРНОВА

Алибек
АСКАРОВ

Бигельды
ГАБДУЛЛИН

Бауыржан
ЖАҚЫП

Ольга
ШИЛЕНКО

Фархат
ТАМЕНДАРОВ

Любовь
ШАШКОВА

Сагин-Гирей
БАЙМЕНОВ

Наталья
ГОРЯЧЕВА

Татьяна
БАКАНОВА

Вероника
КОРЕШКОВА

Любовь
РЫК

*Дорогие читатели, от имени правления Союза писателей Казахстана и редакции журнала «Простор» поздравляю вас с наступающим Новым годом и желаю здоровья, мира, процветания, открытия новых литературных имён!
Вместе нам по плечу возродить читающую нацию!*

Председатель Совета редакторов М. КУЛЬКЕНОВ

Учредитель и издатель:
РОО «Союз писателей
Казахстана»

Дежурный редактор Сагин-Гирей Байменов
На обложке: Абылхан Кастеев.
Высокогорный каток Медео

«ПРИВЛЕЧЬ К СЕБЕ ЛЮБОВЬ ПРОСТРАНСТВА»

В этом году – славные памятные даты поэтов XX века: классика мировой литературы, первого из нобелевских лауреатов среди русских писателей Ивана Бунина, великих лириков Серебряного века – Александра Блока и Сергея Есенина, Председателя земшара и бюджетянина Велимира Хлебникова, непревзойдённого поэта и гражданина в одном лице – Александра Твардовского, ещё одного нобелиата Бориса Пастернака, выдающегося певца многонационального советского народа Михаила Исаковского.

Не прошли незамеченными ныне живущими поколениями и юбилеи Эдуарда Багрицкого, Ольги Берггольц, Константина Симонова, Евгения Винокурова, наших замечательных казахских поэтов Кадыра Мырзалиева и Жумекена Нажимеденова.

Отмечая яркий след, оставленный мастерами поэтического слова, творившими в эпоху небывалых перемен, мы не должны забывать, что в целом это время явило огромное число имён, запавших в память ценителей поэзии навсегда. Рубрика «Имена», прочно поселившись в журнале, продолжит курс на освещение бесценного наследия предшественников, на поиск и популяризацию новых талантов.

Просторовцы

Сергей ЕСЕНИН

(1895–1925)

Берёза

Белая берёза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежную каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит берёза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

Сергей Есенин

Иван БУНИН

(1870–1953)

* * *

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет – господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

И забуду я всё – вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав –
И от сладостных слёз не успею ответить,
К милосердным коленам припав.

Василий Россинский.
Портрет Ивана Бунина

Александр БЛОК

(1880–1921)

* * *

Река раскинулась. Течёт, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной жёлтого обрыва
В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь – стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Наш путь – степной, наш путь – в тоске безбрежной –
В твоей тоске, о Русь!
И даже мглы – ночной и зарубежной –
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнёт ковыль...

И нет конца! Мелькают вёрсты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несётся вскачь!

Александр Блок

Михаил Ларионов.
Портрет Велимира Хлебникова

Велимир ХЛЕБНИКОВ

(1885–1922)

* * *

Сегодня снова я пойду
Туда, на жизнь, на торг, на рынок,
И войско песен поведу
С прибоем рынка в поединок!

* * *

Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээо пелись брови,
Лиэээй – пелся облик,
Гзи-гзи-гээо пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.

Борис ПАСТЕРНАК

(1890–1960)

Гамлет

Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку.

На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.

Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идёт другая драма,
И на этот раз меня уволь.

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, всё тонет в фарисействе.
Жизнь прожить – не поле перейти.

Нобелевская премия

Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу ходу нет.

Тёмный лес и берег пруда,
Ели сваленной бревно.
Путь отрезан отовсюду.
Будь что будет, всё равно.

Что же сделал я за пакость,
Я убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей.

Но и так, почти у гроба,
Верю я, придёт пора –
Силу подлости и злобы
Одолеет дух добра.

Леонид Пастернак.
Портрет Бориса Пастернака
на фоне Балтийского моря

Михаил ИСАКОВСКИЙ

(1900–1973)

Зимний вечер

За окошком в белом поле –
Сумрак, ветер, снеговой...
Ты сидишь, наверно, в школе,
В светлой комнатке своей.

Зимний вечер коротая,
Наклонилась над столом:
То ли пишешь, то ль читаешь,
То ли думаешь о чём.

Кончен день – и в классах пусто,
В старом доме тишина,
И тебе немножко грустно,
Что сегодня ты одна.

Из-за ветра, из-за вьюги
Опустели все пути,
Не придут к тебе подруги
Вместе вечер провести.

Замела метель дорожки, –
Пробираться нелегко.
Но огонь в твоём окошке
Виден очень далеко.

Вера Глинка.
Портрет Михаила Исаковского

Эдуард БАГРИЦКИЙ

(1895–1934)

Смерть пионерки

(отрывок из поэмы)

Пусть звучат постылые,
Скудные слова –
Не погибла молодость,
Молодость жива!
Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед.
Боевые лошади
Уносили нас,
На широкой площади
Убивали нас.
Но в крови горячечной
Подымались мы,
Но глаза незрячие
Открывали мы.
Возникай, содружество
Ворона с бойцом –
Укрепляйся, мужество,
Сталью и свинцом.
Чтоб земля суровая
Кровью истекла,
Чтобы юность новая
Из костей взошла.
Чтобы в этом крохотном
Теле – навсегда
Пела наша молодость,
Как весной вода.

Эдуард Багрицкий

Сергей Борцов.
Портрет Ольги Берггольц

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

(1910–1975)

* * *

Нет, не из книжек наших скудных,
Подобья нищенской сумы,
Узнаете о том, как трудно,
Как невозможно жили мы.
Как мы любили горько, грубо,
Как обманулись мы любя,
Как на допросах, стиснув зубы,
Мы отрекались от себя.
Как в духоте бессонных камер
И дни, и ночи напролёт
Без слёз, разбитыми губами
Твердили «Родина», «Народ».
И находили оправданья
Жестокой матери своей,
На бесполезное страданье
Пославшей лучших сыновей.
О дни позора и печали!
О, неужели даже мы
Тоски людской не исчерпали
В открытых коях Колымы!
А те, что вырвались случайно,
Осуждены еще страшней.
На малодушное молчанье,
На недоверие друзей.
И молча, только тайно плача,
Зачем-то жили мы опять,
Затем, что не могли иначе
Ни жить, ни плакать, ни дышать.
И ежедневно, ежечасно,
Трудясь, страшились тюрьмы,
Но не было людей бесстрашней
И горделивее, чем мы!

Константин СИМОНОВ

(1915–1979)

Я очень тоскую...

Я очень тоскую, я б выискать рад
Другую такую, чем ехать назад.
Но где же мне руки такие же взять,
Чтоб так же в разлуке без них тосковать?
Где с тою же злостью найти мне глаза,
Чтоб редкою гостьей была в них слеза?
Чтоб так же смеялся и пел её рот,
Чтоб век я боялся, что вновь не придёт.
Где взять мне такую, чтоб всё ей простить,
Чтоб жить с ней, рискуя недолго прожить?
Чтоб с каждым рассветом, вставая без сна,
Таким же отпетым бывать, как она.
Чтоб, встретясь с ней взглядом в бессонной тиши,
Любить в ней две рядом живущих души.
Не знать, что стряётся с утра до темна,
Какой обернётся душою она.
Я, с нею измучась, не зная, как жить,
Хотел свою участь с другой облегчить.
Но чтобы другою её заменить,
Вновь точно такою должна она быть;
А злой и бесценной, проклятой, – такой
Нет в целой вселенной второй под рукой.

Петр Кончаловский.
Портрет Константина Симонова

Александр ТВАРДОВСКИЙ

(1910–1971)

По праву памяти (фрагмент)

Смыкая возраста уроки,
Сама собой приходит мысль –
Ко всем, с кем было по дороге,
Живым и павшим отнестись.
Она приходит не впервые.
Чтоб слову был двойной контроль:
Где, может быть, смолчат живые,
Так те прервут меня:
– Позволь!
Перед лицом ушедших былей
Не вправе ты кривить душой, –
Ведь эти были оплатили
Мы платой самую большой...
И мне да будет та застава,
Тот строгий знак сторожевой
Залогом речи нелукавой
По праву памяти живой.

Александр Твардовский

Евгений ВИНОКУРОВ

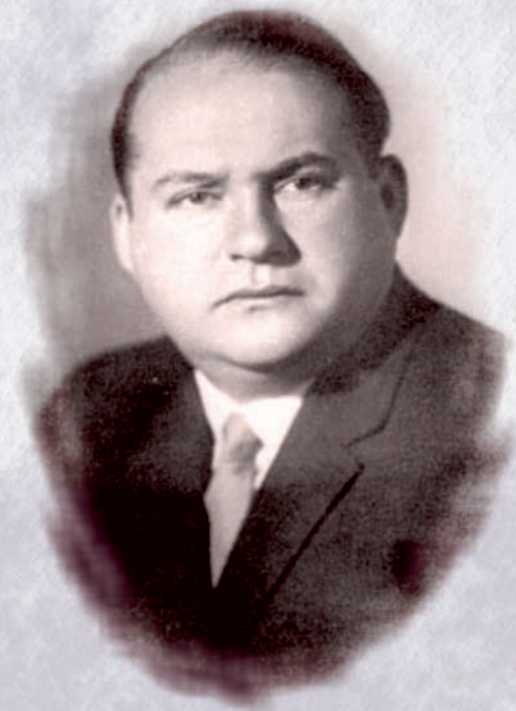
(1925–1993)

* * *

Когда умру, то в стол ко мне
Ты молча загляни.
Там всё, чем я наедине
Жил в прожитые дни.
Истлеет плоть, что путь прошла
Дождей и голодух,
Но где-то в глубине стола
Живым мой будет дух.
Листок бумаги –
Он молчит,
Лиловый от чернил.
Достань его – и закричит
Он вдруг что было сил.
И если хочешь – разорви
Иль отошли в журнал,
Но он заплачет по любви,
Которую не знал.

Женщины

Я грущу. Я измучен жаждой.
Я извелся: грустя, любя.
В каждой девочке, в женщине каждой,
В каждой что-то есть от тебя.
Я их грустных не в силах видеть,
Их смятенья, их скорбных поз.
Их же так ведь легко обидеть,
Так легко огорчить до слёз.
Сокровенным с тобой, глубинным
Чем-то связаны все они.
Чем-то жалостным, голубиным,
Чем-то тайным тебе сродни.
Вот вчера одна торопилась,
Плача, пуговицу теребя...
Сердце кровью моей облилось,
Как подумал я про тебя.

Евгений Винокуров

Кадыр Мырзалиев

Мечта

Пустыня – впереди, пустыня – за спиной.
Моря переплыву, другие – предо мной.

И скоро уж в пути ты встретишь старика.
Перешагну ручей, а предо мной – река.

Но рвётся из-под ног и вдаль бежит тропа.
Куда ни глянь – леса маячат, о судьба!

В искусстве, друг ты мой, нет меры никакой:
взойдешь на перевал, за ним встаёт другой.

Я выбился из сил, но как ещё далёк
мерцающий вдали проклятый огонёк!

Перевод Кайрата Бакбергенова

Жумекен Нажимеденов

Кадыр МЫРЗАЛИЕВ (1935–2011)

Какое небо!

Какое небо! Небо-то какое! –
Посмотришь – и лишаешься покоя:
Как будто взгляд твой, залитый слезами,
Потушился пред яркими глазами.
Волнуясь, родники журчат в ложбинах,
Как будто кровь кипит и бьётся в жилах.
Какие горы! Эх, какие горы
Хребтом драконьим вспарывают доли!
И к солнечному вымени приник
И, вздрагивая, пьёт лучи тальник.
Какая степь! Смотрите – степь какая!
Смотрите, ничего не упуская:
Луна вновь отелилась – без конца
Вылизывает звёздочки Тельца.
Полупустыня! Эх, полупустыня,
Твоя испепелённая гордыня
Колелблется волнистым миражом
И жаждой полосует, как ножом.
С холмов ночных нисходят свет и нега,
Сияние струят ресницы неба.
Кто слить восторги воедино сможет,
Тот и о чёрном камне песню сложит!

Перевод Владимира Бояринова

Жумекен НАЖИМЕДЕНОВ (1935–1983)

Ливень в горах (шутка)

Небо плачет, вьётся тучный чад,
Дивы в тучах, как в смоле, мычат.
Как подушку, тучку Азраил
Взяв под мышку, выбился из сил,
Ищет место – как бы где поспать?
Гром грохочет. Хулиганит рать
У Аллаха! Плохо воспитал,
Стрел и молний в нечисть не метал.
Лишь под купол неба столб гнилой
Он подвел дрожащею рукой.
И пропал, на джинне улетел,
Отстранился от засушных дел.
Черти это поняли тотчас,
С перепоею вмиг пустились в пляс.
И в раю – вон – ангелы от рук
Поотбились – тискают подруг.
И в низине, на земле – порок.
Поп с муллой дерутся, и пророк
Позабыл про вещие дела,
Спит в кустах в чём мама родила.
Лишь один заштатный ангелок
Вдруг ударил в рельсу – где же Бог?
С перепугу юркнул я, дурной,
За калитку к вдовушке одной.

Перевод Александра Юдахина